

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. М. ГОРЬКОГО

МАЛЬЧИКИ И ДЕВОЧКИ: РЕАЛИИ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Сборник статей

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2004

полученные результаты содержат предварительные анализ и интерпретацию этой проблемы и нуждаются в дальнейшем исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

Бекасов О. Б. Анализ событийной структуры жизненного пути личности // Гуманистические проблемы психологической теории. М., 1995. С. 169–179.

Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. Киев, 1984.

Логинова Н. А. Развитие личности и ее жизненный путь // Принципы развития в психологии. М., 1978. С. 156–173.

Нартова-Бочавер С. С., Бороздина А. А. Значимые события в жизни современных подростков // Актуальные проблемы современного детства. М., 1996. С. 63–65.

Пряжников Н. С. Игровые профориентационные упражнения. М., 1997.

Рыбалко Е. Ф., Крогиус Н. Г. Ценностные ориентации и временные перспективы самореализации личности // Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 1998. Вып. 2. С. 154–162.

Тарасов С. В. Образ мира: Опыт категориальных структур мировосприятия школьников. СПб., 1996.

В. В. Головин,
М. Л. Лурье

ПОДРОСТКОВЫЕ СООБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МЕГАПОЛИС, ПРОВИНЦИЯ И ДЕРЕВНЯ*

К подростковым субкультурам в нашей стране начали относиться без прежнего огульного негативизма с конца восьмидесятых годов. К молодежным сообществам стали с интересом присматриваться, на место отторжения пришло некое подобие общественного сочувствия и рефлексии. Монополия на научные разыскания в данной области принадлежала тог-

* Статья написана в ходе работы над совместным проектом В. В. Головина, Е. В. Кулецова и М. Л. Лурье, поддержанного ИНО-центром (Информация. Наука. Образование) в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» (грант № КТК-384-1/03).

да социально-педагогическому дискурсу*. В работах тех лет поведенческие особенности членов подростково-юношеских групп описываются в основном как девиантные, отклоняющиеся от социальной нормы, а основная прагматика подобных исследований — выработка принципов государственной политики по вопросам молодежи и конкретных методов социальной работы с «неформалами» с целью постепенного приведения их к этой самой норме. Что же касается территориальных уличных сообществ, то их изучением занимались в основном криминалисты.

Изучение подростковой среды с позиций культурной антропологии началось около десяти лет назад. За точку отсчета можно без особых сомнений принять 1993 год, год выхода в свет известной монографии Т. Б. Щепанской**. Эта книга не только окончательно «запустила» в терминологический обиход всех пишущих о подростках слово «субкультура». Сразу ставшая научным бестселлером, монография не случайно была снабжена подзаголовком «Опыт этнографического исследования системы», не только характерным для времени (словосочетание «культурная антропология» тогда еще не было в ходу), но и принципиальным методологически: «эта непонятная мо-

* Знаковой среди изданий того периода стала монография: *Заесоцкий А. С., Файн А. П.* Эта непонятная молодежь... Проблемы неформальных молодежных объединений. М., 1990. См. также: *Кичигин А. С.* Полет яблока: невыдуманная повесть-калейдоскоп о «неформалах». М., 1988; Модные игры для взрослых детей: [Молодежные неформальные объединения]. М., 1988; Неформальные объединения молодежи и идеологическая борьба. М., 1988; Неформальные объединения молодежи. Вчера, сегодня... а завтра? М., 1988; Самодетельные неформальные объединения молодежи. М., 1989; *Левичева В. Ф.* Молодежный Вавилон: размышления о неформальном движении. М., 1989; Неформалы: кто они? Куда зовут? М., 1990; Неформальные общественные объединения: штрихи к портрету. М., 1990; *Пашков М. Ю.* Рок... Брейк... Что дальше? Кишинев, 1990; *Громов А. В., Кузин О. С.* Неформалы: кто есть кто? М., 1990; *Шкурин В. Н.* Неформальные молодежные объединения. М., 1990; Психологические особенности подростково-юношеских групп. М., 1990; По неписанным законам улицы... [О неформальных молодежных объединениях]. М., 1991; и др.

** См.: *Щепанская Т. Б.* Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы. 1986–1989. М., 1993. Монографии предшествовала статья в специальном этнографическом издании: *Щепанская Т. Б.* Процессы ритуализации молодежной субкультуры // Советская этнография. 1988. № 5.

лодежь» как бы уравнивалась в правах с такими привычными и солидными объектами этнографического изучения, как, например, традиционная крестьянская культура. Книга о «системе» открыла для отечественных исследователей если не сам феномен («системы», в частности, и молодежной субкультуры в целом), то возможность научно дистанцироваться и «этнографически» описать этот феномен как полноценную и самодостаточную социокультурную систему, характеризующуюся развитостью и единством «формы» — символического языка и «содержания» — мировоззренческих, когнитивных и коммуникативных моделей.

За прошедшее десятилетие появилось довольно много отдельных публикаций о подростковых сообществах, несколько монографий и сборников, вводящих в научный оборот обширный материал*. Предлагаемая читателям сборника статья тоже носит по большей части эмпирический характер, что обусловлено основной задачей, которую ставили перед собой авторы. Работа написана по результатам серии полевых исследований, проведенных в последние годы и преследовавших двоякую цель. Во-первых, расширить и уточнить представление о составе и разновидностях сообществ, реально представленных в современной российской подростковой среде, описать каждую из них с точки зрения внутренней структуры, жизнедеятельности, устойчивых элементов картины мира, системы коммуникаций, форм самопрезентации, характера продуцируемых текстов и т. д. Во-

* См., напр., некоторые из них: Молодежный Петербург. СПб., 1997; Молодежный Петербург. СПб., 1999. Вып. 2; *Назарова И. Ю.* Алисома ны и кинома ны: Опыт фольклорно-этнографического исследования // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. Тверь, 1999. Вып. 2; *Омельченко Е. Л.* Молодежные культуры и субкультуры. М., 2000; Герои нашего времени: Социол. очерки / Под ред. Е. Омельченко. Ульяновск, 2000; *Щепанская Т. Б.* Молодежные сообщества // Современный городской фольклор / Сост. А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М., 2003; и мн. др.

См. также ряд зарубежных антропологических исследований: *Bushnell J.* Moscow Graffiti: Language and Subculture. Boston, 1990; *Pilkington H.* Russia's Youth and Its Culture. L.; N. Y., 1994; *Fujimura C.* Childhood in Russia: Representation and Reality. Landham, 1995; *Fujimura C.* Russia's Unwanted Children: a Cultural Anthropological Study of Marginalized Children in Moscow and St. Repersburg // Childhood. 1997. № 4; *Markovitz F.* «To Live Well. To Live at Ease»: Reflections on Life by Post-Soviet Russian Teenagers // Adolescence. 1999. № 34.

вторых — и этому посвящена настоящая статья — проследить различия в номенклатуре и типах подростковых субкультурных групп, имеющих место в мегаполисе, провинциальном городе и деревне, — выражаясь образно, наложить типизированную субкультурную карту подростковой среды на типизированную же административную карту отечества.

В постановке последней исследовательской задачи мы исходили из того простого соображения, что, с одной стороны, по субкультурному принципу структурируется вся, а не только городская подростковая среда, с другой стороны, очевидные различия социокультурных ситуаций в поселениях разного типа не могут не влиять на степень и характер представленности в них молодежных сообществ, как традиционно существовавших, так и новообразованных в последние полтора десятилетия. При этом представление о «старых» и «новых» субкультурах накладывается на различие двух очевидно противопоставленных друг другу типов подростковых сообществ, обозначенных нами как *идеоцентрические*, то есть манифестирующие собственную специфичность на основе идеологической, мировоззренческой или эстетической доминанты, и *локоцентрические*, групповое самосознание которых мотивируется принадлежностью к определенной жизненной территории.

Естественно, что первый и вполне объяснимый соблазн, возникающий при рассмотрении вопроса о представленности подростковых субкультур в мегаполисе, малом городе и селе, — непосредственно соотнести дифференциацию по вышеобозначенному признаку с различием в типе поселения: в крупных городах возникают и функционируют идеоцентрические группы, в селах — локоцентрические, в городской провинции имеют место и те и другие. В целом такая проекция вполне правомерна и в общих чертах отражает реальное положение вещей. Однако эта схема и останется лишь схемой без учета суммы уточняющих нюансов, которые становятся очевидными лишь при анализе обильного эмпирического материала. По сути дела, эти уточнения сводятся к ответу на три вопроса: (1) в чем состоят конкретные различия в степени и формах представленности локо- и идеоцентрических субкультурных групп, (2) каковы модели и предпочтительные практики их взаимодействия и (3) что определяет актуальный социокультурный контекст подросткового бытия и самосознания в поселениях

разного типа. Все эти три фактора взаимосвязаны и будут рассматриваться нами в комплексе.

1. Специфика социального пространства подростковой среды мегаполиса заключается в том, что в ней представлены все функционирующие в данный период идеоцентрические субкультурные сообщества. Строго говоря, получить наиболее полную и репрезентативную информацию о современной ситуации в сфере подростково-молодежных движений антрополог может лишь в результате исследований, проводимых в крупном городе.

Именно в крупных городах, по преимуществу в столицах, а также в наиболее крупных и ориентированных на столичный тип областных, республиканских, краевых центрах подростковые группировки и отдельные их члены в наибольшей степени сосредоточены на специализированной деятельности, реализующей установки соответствующей субкультуры. В ряде случаев это непосредственно связано со спецификой центральной идеи и/или характером культурных практик того или иного сообщества. Так, вполне естественно, что *хулиганы* наиболее многочисленны и активны в городах, футбольные команды которых входят в высшую и первую лигу, с большой регулярностью и частотой проводят как домашние, так и выездные матчи. Столь же очевидно, что команды *геймеров* могут полноценно реализоваться лишь в тех городах, где развита сеть компьютерных клубов и Интернет-кафе.

Но и в тех случаях, когда идеологическая программа и связанные с ней формы деятельности сообщества не нуждаются в условиях мегаполиса, субкультурная активность подростков в крупном городе гораздо выше, нежели в малом городе и селе. В мегаполисе наиболее регулярно и масштабно происходят столкновения *футбольных фанатов*, акции *скинхедов*, драки *рэперов* и *панков с хулиганами*, шествия *кино-* и *алисоманов* после концертов; выпускаются и распространяются журналы, фанзины, видеокассеты с записями хулиганских *махачей*, *бомбинга графферов* и т. п.

В целом субкультурная жизнедеятельность молодежи в последнее десятилетие перестала восприниматься как нечто шокирующее и являющееся источником социальной угрозы. Ее общая девиантность осознается как вполне естественный и даже необходимый контрапункт общественному мейнстриму.

В провинциальных городах, где учреждения образования и культуры сами не определяют политику своей деятельности, а ориентируются на прямые предписания «из центра», эта смена магистральной общественной установки в отношении подростково-молодежных движений идеоцентрического типа, уже полностью произошедшая в крупных культурных центрах, протекает сложнее, с временной задержкой и встречает большее сопротивление как общественного мнения, так и официальных структур. Приведем показательный в этом отношении текст, в котором владение/невладение представителями власти субкультурной знаковостью прямо соотносено с различием между и столичной и провинциальной ситуациями:

Вот год или два назад мы шли с парнем куда-то на вечеринку. У него просто такой ирокез был длинный полметра, еще шипы вот так сантиметров по тридцать, все крашеное, хайр зеленый, шипы красные, вот, это только вот голова, не считая клепаной куртки, штанов, ботинок и всего, что там висело. Да, и вот какой-то патруль останавливает, просто не знает, чего с нами делать. Документы в порядке, ничего запрещенного нет. Давай, вызвали еще бобик какой-то, посмотреть на такое чудо. Такие подходят к начальнику: «А давай его в участок, сострижем, снимем там куртку, посадим в камеру». Он такой: «Ну сейчас уже не восьмидесятые годы, а это панки». Восьмидесятые годы, блин. Ну, пристыдил его. <...> Дурак, что ли, чего, панков не видел? <...> А это какой-то постовой из какой-то деревни. Лейтенант реально пристыдил. И пошли дальше (самозапись, м, 28).*

Наличие большого количества субкультурных сообществ, их заметность и социальная активность в больших городах стимулируют рынок, появляются специализированные магазины, обслуживающие, например, *футбольных хулиганов, граффитеров, рэйверов* или *скинхедов* (конечно, «официальных» скинхедских магазинов нет, но в ряде торговых предприятий существуют отделы, где продается соответствующая одежда, атрибутика, журналы, аудио- и видеопродукция). С другой сторо-

* Здесь и далее после цитирования текстов из полевых материалов авторов в скобках указываются тип фиксации (аудиозапись интервью или тематическая самозапись, сделанная по просьбе собирателя), пол и возраст информанта.

ны, сами коммерсанты используют символику и стилистику молодежных движений в целях рекламы, наиболее яркий пример чему — регулярно практикуемое в последние годы (опять же в крупных городах) привлечение *граффитеров* к оформлению магазинов, заказ им рекламных панно на специально отведенных участках парапетов, ограждений и пр. Очевидно, что подключение коммерческих PR-механизмов, в свою очередь, способствует быстрому экстенсивному развитию подростковых идеоцентрических сообществ.

Таким образом, в российских мегаполисах спонтанная «низовая» активность идеоцентрических молодежных сообществ, даже наиболее «контркультурных» и «антисоциальных» по своей идеологической и практической направленности, во-первых, поддерживается системой мероприятий, проводимых социальными институтами (фестивали, конкурсы, концерты и т. п.), во-вторых, стимулируется торговой и рекламной деятельностью заинтересованных коммерческих организаций.

Характерно, что, в отличие от провинциальных, столичные подростки, причисляющие себя к одному из движений, владеют, как правило, до известной степени исчерпывающей информацией об истории, идеологии движения, о количестве, названиях и реноме представляющих данную субкультуру команд и их лидеров, о легендарных личностях, об актуальных для сообщества новостях и событиях (в масштабах страны), о предпочтительных музыкальных стилях (и конкретных группах), о субкультурной медиапродукции и Интернет-ресурсах.

Что особенно важно, представители каждого из субкультурных сообществ обладают обязательным знанием и мнением обо всех других сообществах: об их структуре, декларируемой идеологии, системе основных деятельностных практик, моделях и формах культурно значимого поведения. Идеоцентрические субкультуры не существуют изолированно, а, наоборот, выстраивают определенные отношения друг с другом — отношения, реализуемые «словом и делом». Эти отношения складываются в достаточно четкую парадигму, своего рода картину субкультурного мира, которая обладает структурным единством для среды в целом, при этом каждое сообщество сообразно своей идеологии, по-своему расставляет аксиологические акценты: с точки зрения *скинхедов, панки*, которых они бьют, позорят нацию; с позиции *панков, скинхеды*, которые бьют их, при-

митивные «отморозки» и т. д. Приведем в качестве иллюстрации к сказанному несколько выдержек из бесед с представителями различных движений:

Там, например, как там — хулиганы всякие, скинхеды, они тоже любят все на нас, на бомберов, на всяких этих, там. То есть пинают, там. <...> То есть вот у скинхедов есть своя философия. <...> А хулиганы же то же самое, что сидишь, например, дома. Делать нечего. Купил себе гады, там, голубые джинсы, там, пилотку, куртку. Идешь на улицу там, выпил пива. А-а-а, все пьяные, пошли там вдесятером мочить какого-нибудь одного чувака (запись, м, 17, граффер); А у нас просто на Московской стояли у метро постоянно где-то часов с десяти начинали панки сидеть, сидели там на гитарке там играют, не знаю, человек 20. Хулиганы что их гоняли? Во-первых, потому что так их не любят: мусор, грязь такая, панки. Ну обычно панков чтобы разогнать, двух человек хватало, хватало четырех человек (запись, м, 17, хулиган); Да, рэперы. Рэперы — потому что только и делают, что слушают рэп, носят такой прикид, там, плеер, Yo-Yo. Все вот эти штучки, которые показывают в киношках. Всё (запись, м, 18, ролевик).

Разумеется, «мегафизически», как представление, эта картина мира существует вне разделения на столицу и провинцию, крупный и малый город. Однако лишь мегаполис предоставляет ту социальную субстанцию, которая необходима для ее (картины) адекватного воплощения, тогда как в провинции (подробнее это будет показано ниже) эта парадигма лишь фрагментарно реализована в подростковой среде и, как следствие, столь же фрагментарно представлена в сознании большинства субкультурно ориентированных подростков — за исключением наиболее включенных, «продвинутых» единиц.

Таким образом, в мегаполисе, в отличие от провинции, молодежные движения в совокупности создают чрезвычайно плотное и коммуникативно насыщенное социокультурное пространство, своего рода субкультурное поле. И практически все городские подростки, за редким исключением, оказываются включенными в это субкультурное поле в силу естественных и неизбежных контактов со сверстниками. Разумеется, далеко не каждый из них причисляет себя к тому или иному идеоцентрическому сообществу, однако и отказ от субкультурной самоидентификации есть акт сознательного выбора, требующий едва

ли не большей степени сознательности, чем ее обретение: как свидетельствуют материалы наших интервью, в данный момент наиболее актуальным параметром подростковой самоидентификации в крупном городе является именно субкультурная принадлежность.

По сути дела, перед каждым современным тинэйджером, живущим в крупном городе, в 12–15 лет с неизбежностью встает вопрос, кем быть. Не будем, как уже сказано, преувеличивать меру осознанности принимаемого решения: на тот или иной субкультурный путь подросток, как правило, попадает, ориентируясь на уже определившихся в этом отношении одноклассников, приятелей по двору и т. д., а не на идеологическую программу движения, хотя нередко случается и такое. Однако при этом он всегда в курсе альтернативных возможностей — уже хотя бы потому, что, войдя в то или иное сообщество, автоматически включается в систему отношений, существующих между данной субкультурой и другими, одновременно с презентующим текстом своего сообщества овладевает необходимым комплексом реноме остальных сообществ. Так, неофит-рэпер отлично знает, что ему следует драться с алисоманами и металлистами, остерегаться скинхедов и хулиганов (которые ищут повода избить его как апологета культуры «нигеров»), тусоваться с граффитчиками и экстремальщиками.

Более того, владение общей «раскладкой» позволяет тинэйджеру большого города сознательно варьировать собственную идентификацию, последовательно и попеременно рядясь в субкультурные одежды — как в переносном, так и в буквальном смысле — то одного, то другого молодежного движения. Нам довелось однажды слышать разговор двух подростков лет 12–13, один из которых жаловался другому на то, как ему «везет» на встречи с представителями враждебных групп, и сетовал, что, как бы он ни оделся, на улице ему обязательно попадутся антагонисты, описывая эту ситуацию замечательной по своей выразительности формулой: *Когда рэпаком — тогда хулсы, когда хулсом — тогда рэпаки.*

Двое наших информантов (панки) представили в качестве типичного такой путь субкультурных перемещений подростка середины — конца девяностых:

«— Есть такая схема: киноман, алисоман, панк, скинхед. То есть в свое время она была очень распространена. То есть

человек сначала слушает рок. О! Цой! Нормальный пацан, вообще.

— Свой такой.

— Свой, и поет вот. Я вот тоже, я тоже такой, я тоже такой, но просто я не пою. Потом наслушался Цоя вот так вот, до крыши. Потом: а вот Кинчев, он прикольный. Он и хулиганистый такой, песни романтические. Буду я алисоманом. Стал алисоманом, вот одел это, красные шарфики, косухи, стрижки, как у Кинчева. Да, клево, клево. Насытился, ну. Все равно, как-то оно ограничивает.

— Рамочки есть.

— Рамочки есть. А вот панки, они вообще отвязные, у них вообще никаких рамок, они вот просто живут вообще без правил, такие злые, веселые, да.

— Живут как придется. Такие бродяги уличные, да.

— Прикольные, с ними интереснее. Стану я панком. Стал панком. Да нет, панки — они в грязи, а вот скинхеды — такие правильные, они сильные ребята, пацан сказал — пацан сделал. Они друг за друга постоят, не то что эти панки: что-то там наговорит и кинет» (запись, м, 28; ж, 20).

Опять же оговоримся: подобный путь может пройти и провинциальный подросток, перемещения индивидуумов из одной субкультуры в другую, в принципе, возможны и в действительности происходят везде. Но именно города столичного типа с существующим в них плотным субкультурным полем задают общие параметры системы, в рамках которых, если те или иные ее элементы представлены в данном месте, возможны такие перемещения.

2. Все сказанное выше отнюдь не подразумевает, что в крупных городах представлены исключительно идеоцентрические субкультуры, а локальный принцип формирования и функционирования подростковых сообществ полностью утратил актуальность. В мегаполисе существует весь реестр молодежных субкультур, включая локоцентрические. Последние традиционно представляют собой группы молодежи, которые «закрепили» за собой некоторую часть городской территории (улицу, двор, квартал, район): Ну там, у нас в Петербурге по окраинам. Ну, у нас где вся. По окраинам: Озерки как раз, Ленинский проспект, Малая Охта, значит, Проспект Большевиков. <...> Особенно у нас на Ленинском проспекте. Там делятся

по территории в основном. Улица Костюшко там, допустим там треугольник: улицы Кубинская, Краснопутиловская и Ленинский проспект, они образуют треугольник. Ну там, Ленинский проспект — это Утюг, там такие названия, например, Монте-Карло, Вашингтон. Это Ленинский проспект тоже с ответвляющимися какими-то улицами. <...> ...Они объединяются именно по признаку и по улице, то есть друг на друга все время там напрыгивают (запись, м, 17).

Обычно идентификационное обозначение такой группы в среде территориальных сообществ (если оно существует) идет от городского топонима — названия района, улицы и т. д. (например, в Петербурге: *охтинские* — из района Охты, *линейные* — с линий Васильевского острова, *гаванские* — из района морской гавани и Гаванской улицы). Идеоцентрические же сообщества обозначают эту среду единым именем — *гопники* или *гопы* (ср. также собирательные *гона*, *гопота*).

Обычно на границах «зон контроля» локоцентрических групп происходят их стычки различного масштаба, часто специально провоцируемые: Скажем, там ночью какая-нибудь гона забухает, пойдет на другую улицу, там встретит оппонентов, подерутся, потом: «Че ж мы сделали-то, ой». Перемирие значит перемирие. Потом ночью опять нажрется, побежит на ту сторону. Опять драки (запись, м, 17).

Два фактора, особенно проявившиеся в последние полтора-два десятилетия, определили значительное понижение статуса городских локоцентрических сообществ. Во-первых, удельный вес таких сообществ в подростковой среде мегаполиса значительно снизился, поскольку количество идеоцентрических субкультур и число входящих в такие сообщества подростков увеличилось на порядок. Во-вторых, отсутствие какой-либо исповедуемой идеологии, вообще какого-либо осознанного группового кредо обусловило презрительное отношение к уличным группировкам представителей идеоцентрических сообществ:

«— Ну гопники, они ни на что не... ну, не знаю, гопники — они даже не движение.

<...>

— А какую музыку они слушают? — собиратель.

— Ой, они, по-моему, вообще ничего не слушают. Они друг друга слушают» (запись, м, 17).

Если различные субкультурные движения, как уже было сказано, выстраивают друг с другом отношения сотрудничества/противоборства, образующие сложную и порой противоречивую систему, то *гопникам* противопоставляет себя весь конгломерат идеоцентрических сообществ. Это своего рода каста неприкасаемых, и само слово *гопник* звучит в устах любого подростка как чрезвычайно обидная инвектива, которая может быть адресована как индивидууму, так и целому сообществу. На Интернет-сайтах самых различных группировок, как в программных публикациях, так и на форумах и в чатах, постоянно встречаются формулы типа *Все гопники — козлы*, а один из респондентов предлагает писать ему по электронному адресу <Мочи@гопника. ru>. Таким образом, понятие о локоцентрических группах для не входящих в них подростков есть негативная точка отсчета социокультурной самоидентификации, и в противопоставлении *гопам* общая совокупность идеоцентрических субкультур обретает сознание собственного единства.

В свете сказанного видится естественным заметное в последнее время движение членов территориальных сообществ в сторону идеоцентрических. Чаще всего *гопники* стремятся пополнить ряды футбольным хулиганов и, реже, скинхедов. В первом случае они поначалу лишь сопровождают хулиганов и даже в общей с ними компании не получают названия *суппортеров*, а уничижительно определяются как *гопота*. На *хулиганских* сайтах можно нередко встретить такие тексты: *Был один из самых важных матчей сезона, народу собралось штуки 24. Собственного сектора не было, зато активизировался «гопотской» сектор в количестве рыл 20 — он зажег две весьма не кислые дымовухи и после в полном составе был выгнан затрещинами в исполнении мусоров; В Москву уехало три газели и много народу на поездах. Качеством состав не блистал, и состоял по большей части из кузьмы и полугопников. Только по истечении многочисленных выездов, «дерби», ряда акций, освоения *хулиганской* идеологии и атрибутики некоторые *полугопники* попадают в команды или создают новые, пользующиеся у старых членов движения дурной славой: *Не, ну как бы, скажем, вот Ленинский проспект, там большинство, скажем — одна гопота. Там есть и хулиганы, вот, скажем, те же «Cannibals», да, вот, ну, много там, «No Name» фирма там, молодая тоже фирма. Ну вот, в принципе, эти фирмы,**

чем они плохи — они молодежные, то есть сформированы самими гопниками (запись, м, 17).

Интересно, что, хотя *скинхеды* распространяют свою идею искоренения всего чуждого и на уличные местные группировки («*Ну — гопота, они позорят нацию*» — запись, м, 17), сопоставление самих *скинхедов* с *гопниками* у представителей других движений звучит особенно часто. Два наиболее воинственных сообщества, исходящая агрессия которых направлена против всех «чужих» (при различном наполнении этой категории), в видении остальных определяются одно через другое. При этом «сознательности», идеологизированности одних регулярно противопоставляется стихийный, безрефлективный характер действий других.

С другой стороны, сами *скинхеды* и адепты их движения по своему осознают родство с *гопниками* и, борясь за чистоту своих рядов, именуют *гопниками* безразличную к идеологии, «несознательно» агрессивную часть своего состава: *Сколько можно всяким гопам прикидываться скинами... <...> надо в первую очередь убивать гопов наравне с хачами. <...> У нас в России как такового нацизма нету. Есть единицы, которые действительно грамотные и которых я уважаю и ценю. А по большей части это гопы!!!* (<http://users.info.kuzbass.net/~hord/gk2.html>).

Итак, локоцентрические группировки молодежи, не имеющие общего самоназвания и не обладающие единым самосознанием, именно в больших городах оказываются в ситуации, при которой они не могут существовать изолированно, игнорируя наличие развитой системы идеоцентрических сообществ и продолжая структурировать актуальное для себя социальное пространство исходя исключительно из территориальных параметров. Поэтому, с одной стороны, они считают любых представителей мира идеоцентрических сообществ, наравне с враждебными локальными группировками, своими антагонистами в силу их ощутимой инакости, «чужести», с другой стороны, сами становятся предметом уничижительного отношения и агрессии со стороны всех молодежных движений, попадая таким образом в единое субкультурное поле подростковой среды: *Скины лохи. Рокеры говноеды. Гопы лохи. Мы, рэперы, самые путовые чуваки на свете* (<http://users.info.kuzbass.net/~hord/skins.html>).

3. В субкультурной молодежной жизни провинциального города, как уже сказано, в основном представлены локоцентрические сообщества. В ряде городов существует жесткая вражда территориальных группировок, формирующихся по районному или, реже, по уличному принципу. Так, в Тихвине, разделенном на микрорайоны, уличные компании подростков объединяются по микрорайонному принципу и их противостояние составляет одну из основных доминант общегородского подросткового текста: *Это, короче когда, например кто-то в каком-то микрорайоне кого-то избил, да получается, что, мол, приходим, забиваем стрелку на столько-то, во столько-то идти. Потом фигак. По типу того, что договариваемся, где там встречаться, приходит толпа* (запись, м, 17)*.

В старых городах и больших поселках субкультурное районирование пространства часто совпадает с историческим разделением города и вражда между локальными группировками подростков осмысливается как продолжение «дела отцов». Например, в городе Лодейное Поле противостоят два района, разделенных железнодорожным полотном, — собственно Лодейное Поле и Манинское Поле: *Воевали просто, что Манинское с городом всегда воевало. Вот сейчас не знаю, почему не воют, а раньше воевали всегда. У меня даже отец мне говорил, что они даже воевали. Не знаю, за что, но воют всегда. А сейчас, видно, поколение новое пошло* (запись, м, 24).

Другая модель разделения на противостоящие локальные сообщества: город — пригород (подгороднее село или деревня). Нередко, кстати, крупная часть города, имеющая свое название, представляет из себя не что иное, как самостоятельное в прошлом село, административно включенное в городскую черту в период укрупнения районных центров, таковы, например, район Парахино в Окуловке, Погра и Ольховец в Подпорожье, Манинское Поле в Лодейном Поле и т. д.

Сочетание нескольких схем территориального объединения/разделения подростковых группировок приводит к усложнению общей структуры и соответственно обогащает вариантами

* Подробно об этом материале см.: Кулешов Е. В. Презентация маскулинности в подростковой субкультуре // Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах: Материалы науч. конф. 19–21 февр. 2001 г. / Сост. К. А. Богданов и А. А. Панченко. СПб., 2001.

подростковый городской эпос: например, отдельные противоборствующие группировки (как и в идеоцентрических сообществах) могут объединяться для «борьбы с общим врагом» и т. п. Характерной и показательной в этом отношении является ситуация в подростковой среде города Подпорожье, где реализованы практически все возможные модели локализации и противостояния территориальных сообществ: *Как раньше, так и сейчас существует разделение по территориальному признаку. Раньше, во времена молодости наших родителей, враждовали сам город и Ольховец. В Ольховце был Клуб речников, и многие девчонки гуляли с этими парнями. Парням из города это не нравилось и возникали драки, или «стенка на стенку» на реке Свирь, когда она замерзала. Сейчас такая вражда тоже существует, но она не так ярка. Также, насколько я помню, всегда существовала вражда внутри города — это разделение: центр — площадь и комса. В основном все гуляют с теми, кто рядом живет. А места, где все вместе собираются, например на дискотеке, пытаются отметить граффити (например, надпись КОМСА на кинотеатре «Космос» через несколько дней обросла некоторыми дополнениями: КОМСА — КОЗЛЫ). Особо отличается район Погра — деревенской застройки. Тут уже площадь и комса объединяются против Погры. Последняя крупная драка была несколько лет назад около Братского кладбища, но в основном дрались средние классы школ. Если, например, спросить у десятилетнего мальчика: «Ты где живешь, в Погребе (вместо «в Погре»)?», — тут же начнется драка (самозапись, ж, 19).*

Кроме того, на общем фоне принятого в том или ином городе распределения подростков по локальным группам периодически формируются отдельные компании, четко отождествляющие себя и отождествляемые другими с той городской зоной, в которой проживают (или с которой себя идентифицируют), но претендующие при этом на автономию и на особое место в общей структуре и системе взаимоотношений городских молодежных группировок — как правило, на роль непобедимых лидеров (*самых крутых*) в городе. Приведем два текста: *Самая известная в городе тусовка — это «коты». Я не знаю, почему они так называются. Они ничем не отличаются от обычной молодежи. Тусуются они на комсе («кресты» — перекресток пр. Ленина и ул. Комсомольской). Это почти центр*

города, они там встречаются и куда-нибудь уходят. Недавно посадили Артема, их лидера, за драку (самозапись, ж, 20); <...> У нас в Лодейном — там самая сильная считается володары. От названия улицы Володарского. <...> То есть они, володары, они как обособленно все держатся, им не нужен как бы никто. Они там как самые сильные (запись, м, 17).

4. По тому же территориальному принципу структурируется подростково-молодежная среда в крупных деревнях, селах и поселках. Так, в селе Винницы враждуют подростки центральной части села и той части, которая ближе к мосту через реку Оять: *Молодежь центра Винниц называется «центровыми». Есть еще «мостовские» — это тоже Винницы, но на удалении от центра. <...> ... Бывает, что мостовского парня, встречающегося с девушкой из центра, бьют* (самозапись, ж, 18); В поселке Боровенка существует противостояние молодежи с улиц Калининская и Красная Горка: *Так-то здесь никого, ну, никто не тронет. Ну, только если туда сунуться, на Калининскую, — там могут, а здесь ничего не сделают* (запись, м, 16).

Помимо внутренней вражды двух территориальных группировок, локоцентрический характер субкультурной самоидентификации сельских тинэйджеров реализуется и в отношениях воинственного соперничества между близлежащими населенными пунктами: *Месяц назад двоих из поселка избили в соседнем поселке, так наши все поехали туда и всю дискотеку отх...ярили, но у нас с ними вражда постоянная. Не было еще ни одного случая, чтоб мы с ними не дрались* (самозапись, м, 19).

Реже и пока только в больших поселках фиксируется возникновение в рамках локальных сообществ обособленных групп (компаний, тусовок). В тех же Винницах *«уже несколько лет существует группа подростков, о которых говорят. Они называются «Банда» или «Мафия». По сути, это ребята из трех следующих друг за другом классов. <...> Внешне ребята из мафии отличаются только тем, что выглядят как «пуп земли». Собираются местные бандиты около автовокзала, когда приходят автобусы, или у местного магазина «Рубин». Там деревянные скамейки, на них сидят и пьют пиво, водку. Мафия недолюбливает мостовских...»* (самозапись, ж, 19). По-видимому, в отличие от двух предыдущих схем (груп-

пировка по населенному пункту или по его частям/улицам), исконно свойственной структуре молодежных сообществ деревни, здесь мы имеем дело с заимствованием городской модели (см. выше о *володарах* в районном центре Подпорожье).

5. Из идеоцентрических субкультур в малом городе в большей степени представлены сообщества, которые ориентированы на почитание того или иного музыкального стиля или конкретного исполнителя: *рэперы, рэйверы (кислотники), металлисты, киномань, алисомань*. Реже встречаются *панки* и *скинхеды*, в последнее время стали появляться *графферы*. При этом, в отличие от подростков, живущих в крупных городах, провинциальные тинэйджеры часто имеют самые общие, достаточно нечеткие и фрагментарные представления о субкультурных стандартах: *В середине сентября я наблюдала в магазине 3-х парней. Один из них был рэпером, общался так же, как двое остальных парней. Рэпером был Сергей. На нем одеты были: бандана, футболка с изображением какой-то группы (не заметила), куртка кожаная в заклепках* (самозапись, ж, 18). *Рэпер*, надевший клепаную куртку, — очевидный нонсенс, если не сказать оксюморон: *рэперы* и *металлисты* относятся к традиционно враждующим группировкам. И не столь важно, рассказчица ли ошибочно причислила Сергея к *рэперам*, сам ли он «не до конца разобрался» в костюмном каноне своего сообщества, — в любом случае такой текст-путаница едва ли мог бы возникнуть в мегаполисе.

Обратим внимание и на речевой оборот «наблюдала в магазине»: по-видимому, явление разряженного *рэпера* — незаурядное событие для культурного опыта рассказчицы. В провинциальном городе, где общий социальный фон составляет гораздо более многочисленная «простая молодежь, которая тоже много беспредельничала, но к дьявольским группировкам не относилась», отдельные представители движений или группы неформалов — хорошо заметная редкость: *По музыкальному принципу город особо не разделяется, существует лишь несколько небольших групп (по 5–6 чел.) — киноманов. Они раньше были более активными, но теперь, после того как их лидер уехал в Питер учиться, они практически незаметны* (самозапись, ж, 19).

В этой связи видится вполне закономерной и распространенностью представлений, очевидно «мифологизирующих» об-

раз той или иной субкультуры: *По вступлению в группировку киноманов (они тусовались обычно в подвалах или лесу) нужно было выпить стакан мочи и съесть ложку говна (самозапись, м, 20).*

Интересна закономерность: говоря о существующих в городе молодежных движениях, провинциальные информанты в абсолютном большинстве случаев называют два представленных сообщества: *Вспоминая те годы когда я вступал в ряды молодежи, очень запомнились две группировки. Это сатанисты и киноманы (самозапись, м, 20); Несколько лет назад повальное увлечение музыкальными группами «Кино» и «Prodigy» повлекло за собой масштабные разборки. Постоянные драки между фанатами стали обычным явлением в городе (самозапись, м, 18); ... в десятом классе там [в Лодейном Поле] — «Кино» и «Prodigy». Ой, ты слушаешь группу «Кино»? Ой, ты слушаешь группу «Prodigy»? Ты наш вообще. Тебя надо бить» (запись, м, 17); И в Северодвинске, когда я учился там в восьмом классе ... там было из неформальных таких сообществ всего две группировки. Всего две. Ну, городок маленький, хочется противостоять. Всем хочется. Не быть же единым фронтом, не идти на Архангельск войной. Или там на Новодвинск. Зачем — можно разобраться внутри себя. Там были рэперы и металлисты. Всё. <...> То есть были рэперы и были все остальные, но все остальные просто назывались металлисты. Потому что там был только один магазин неформальный, и там продавался только рэп и металл (запись, м, 18).*

Обратим внимание на последний текст, записанный от бывшего жителя Северодвинска, несколько лет назад переехавшего в Петербург, в настоящее время принадлежащего к сообществу *ролевиков* и одновременно считающего себя *панком*. Временная и культурная дистанцированность от своего провинциального прошлого вкупе с субкультурным опытом и включенностью столичного жителя позволяет ему — в отличие от других рассказчиков — оценить разделение едва ли не всех подростков города на две идеоцентрические группировки как ситуацию чисто провинциальную. Заметим также, что, иронизируя, рассказчик тем не менее очень точно называет два предопределяющих эту ситуацию фактора: ограниченность информации (*только один магазин неформальный*) и интенцию про-

тивостояния. Вполне закономерно, что если в небольшом городе появляются представители двух идеоцентрических сообществ, то это, как правило, сообщества-антагонисты.

По-видимому, в провинциальной подростковой среде происходит перенос хорошо освоенных моделей взаимодействия между локальными (например, районными) группировками на новую для этой среды субкультурную ситуацию. Не случайно один из самых устойчивых моментов в рассказах о молодежных движениях в небольшом городе — указание на массовые драки (*масштабные разборки*) между двумя враждующими идеоцентрическими группами. Разумеется, драки между неформалами происходят и становятся предметом повествовательного фольклора и в крупных городах. Разница состоит в том, что в провинции — в отличие от мегаполиса — воинственное противостояние не одна из многих, а практически единственная модель межгрупповых отношений в субкультурном поле, воспроизведенном там (по отношению к столичной ситуации) фрагментарно. Приведем в этой связи один пример — продолжение рассказа о северодвинских неформалах:

Там летом, летом, — ну, когда Северная Двина, в общем-то, уже не скованная льдом, как обычно, там устраивалась замечательная драка. Там город, и кусочек — как у нас на Ваське, но там только один такой островок, остров Ягры называется. И там большущий мост. Мост, он такой не изогнутый, а прямой абсолютно, и невысокий, в общем-то, но при этом очень удобный. Там по ночам сходились добрые друзья рэперы и металлисты друг с дружкой, и устраивались замечательные побоища — просто так, то есть никаких разборок полетов до этого не было, никакого противостояния (запись, м, 18).

Можно сказать, что, устраивая потасовки на мосту через Двину, северодвинские *рэперы* и *металлисты*, по сути дела, осуществляют наложение знаков, проецируя идеологическое противостояние адептов разных музыкальных направлений на более традиционную для провинциальной молодежной субкультуры территориальную сегментацию социального пространства.

6. В крупных селах и поселках деревенского типа ситуация несколько иная: в них практически отсутствуют группы тинэйджеров, причисляющих себя к тому или иному идеоцентрическому сообществу и объединенных на основе этой идентифика-

ции, однако есть знание о существовании некоторых молодежных движений и набор размытых представлений о них.

Малочисленность подростков предопределяет узость круга, тесноту социального пространства: все они учатся в одной школе, ходят на дискотеки в один клуб, подчас составляют одну-две разновозрастные компании. Кроме того, отсутствие перспектив работы и учебы в деревне приводит к массовому оттоку подростков 14–17 лет — возраста наибольшей активности субкультурной жизнедеятельности. С другой стороны, за счет уехавших учиться или работать в районный или областной центр тинэйджеров, регулярно посещающих родное село в выходные, праздничные и каникулярные дни, осуществляется постоянная миграция, благодаря которой жители получают информацию о городской жизни, в частности касающуюся и молодежных субкультурных движений. Другим важным источником такой информации являются дачники, приезжающие на лето целыми семьями. В некоторых селах число городских подростков в период летних каникул значительно превосходит число местных, и первые осуществляют эскалацию столичных культурных ценностей (мода, музыка, лексика, показатели престижности и т. п.) в деревенскую подростковую среду.

Следствием этого является некоторая информированность сельских подростков о том, какие бывают и что из себя представляют различные молодежные движения (нередко весьма фрагментарная, соотнесенная с ситуацией в близлежащем городе), интерес к городской молодежной культуре и стремление связать свою самоидентификацию со знаками тех или иных ее направлений. Однако из-за отсутствия в деревне социального простора (что выражается формулами типа *у нас все свои, у нас все на виду* и т. п.), необходимого для формирования идеологически ориентированных групп и для реализации девиантных поведенческих установок, здесь если и возникает компания единомышленников — например, на основе музыкальных пристрастий, — то их склонность к тому или иному направлению остается личным увлечением, не приводящим к формированию идеоцентрической группы как таковой. Поэтому чаще всего молодежные сообщества в сельской среде представлены персонально одним или несколькими подростками, что никак не влияет на общую социокультурную конфигурацию этой среды.

Приведем в качестве иллюстрации к вышесказанному несколько наиболее показательных, на наш взгляд, отрывков из беседы с группой тинэйджеров села Новоселье Сланцевского района Ленинградской области.

«— А есть такие люди в Новоселье, которые себя считают рэперами? — собиратель.

— Вот рэпер.

— Я не рэпер, я рэйвер.

— Рэйвер? — собиратель.

— Да какой он рэйвер? Если б он был рэйвер, он бы другую музыку не слушал, он бы фанател этим рэйвом. Он не такой уж и фанат.

— Если б он был рэйвером, он бы строился под рэйвера, * ходил как рэйвер.

— Так я один...

— Может быть, я потом к тебе пристроилась, может быть, Маша. Ты должен был втягивать в рэйв, что это классная музыка. А так...

— Вас втягивать бесполезно.

— То есть просто потому, что нет знакомых, да? — собиратель.

— Да, да. Раньше были-то, сейчас они уже уехали.

— Поехали учиться, да? А раньше были кто — рэйверы? — собиратель.

— Да, у нас немного было, не очень.

— Четверо.

— Да раньше не знаю, ну вот там вот было шесть, семь, может, восемь.

— Ну и вы как-то одевались, как рэйверам положено? — собиратель.

— Не, ну просто слушали музыку. Мы тогда еще не знали, что под такую музыку так одеваются.

— А рэперов вообще нет и не было, да? — собиратель.

— Не, ну слушали в таком роде, но не одевались.

<...>

— Почему же это сюда к вам не переносится, если все это есть? — собиратель.

— Ну, у нас там чего, все свои.

— Без разницы — хоть ты рэпер, хоть не рэпер, без разницы.

<...>

- Киноманы есть? — собиратель.
- Киноманов много, у нас даже есть.
- Есть киноманы? — собиратель.
- Есть. У нас как бы, ну как, киноманы, киноманы... Ну конечно, слушают другую музыку там какую-то.
- Ну сами себя считают киноманами? — собиратель.
- Да, «Пой — это сила. «Кино» — круто».
- И много? — собиратель.
- Ну, штук пять есть, наверно, четыре.
- Они между собой общаются? — собиратель.
- Общаются, да. А если что-то про Цоя плохое скажешь — все, начинают морду бить.
- А они ездят на могилу? — собиратель.
- Ну у них как бы возможности нет. Они с неблагополучных семей. Ну Жук да, Жук был на могиле.

<...>

- Так, хорошо, а скинхеды есть? — собиратель.
- Здесь, в Новоселье?
- Чирик, что ли?
- А, вот у нас новенький, новенький, да, вот он, по-моему, скинхед. Че-то я его вообще давно не видела, я его еще и ни разу не видела, между прочим.
- Панки приезжали.
- А, это не панки, вот это и есть скинхеды.
- Да? А почему вы решили, что это панки? — собиратель.
- Вообще, скинхеды как считается... Вообще, я не знаю, я их и не видела. Но скинхеды считаются.
- Так вот этот новенький — он кто? — собиратель.
- Даже не знаем» (запись, м, 21; ж, 16; ж, 17).

Заметно некоторое стеснение и неуверенность говорящих при характеристике субкультурных движений. Как видно из реплик многих информантов, эта сфера ими воспринимается как нечто достаточно чуждое, далекое (хотя и, безусловно, интересное), имеющее мало отношения к деревенской повседневности, по сравнению с городом почти отсутствующее в среде сельских подростков, по крайней мере в полноценном виде. Та же размытость и фрагментарность представлений о подростковых субкультурных сообществах у жителей тех населенных пунктов, в которых происходит интенсивное общение с приезжими из крупных городов сверстниками, дает обратный эф-

фект: субкультурная принадлежность индивидуума не воспринимается как нечто исключительное, требующее к себе особого отношения, возникает ощущение, что «все это мы видели». Приведем фрагмент записи, сделанной в селе Боровенка Окуловского района Новгородской области:

«— А рэперы и рэйверы здесь были когда-нибудь? — собиратель.

- Рэперы, конечно.
- Рэперы были, рэйверов не было? — собиратель.
- Тут всё есть, тут всё было. Тут и скинхеды есть.
- А как они все друг к другу относятся? — собиратель.
- Параллельно.
- Параллельно, да, до фени всем.
- А что представляют из себя эти скинхеды? — собиратель.

Слушают «Рамштайн», бритые головы, на х..., курят, пьют, на х...» (запись, м, 16–18);

В последнем фрагменте особенно показательно, что, по мнению информантов, представители субкультурных движений относятся друг к другу «параллельно». Совокупность идеоцентрических сообществ, таким образом, воспринимается не как единая система, но как дискретный ряд. И это главное, что отличает представление сельских тинэйджеров о мире подростковых субкультур от соответствующего представления столичных и — хотя и в меньшей степени — провинциальных подростков.

В. Г. БЕЗРОГОВ

«БОГ ЕСТЬ, НО Я В НЕГО НЕ ВЕРЮ»: МОДУС (ДЕ)РЕЛИГИОЗНОГО ДЕТСТВА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

В воспоминаниях о детстве писателя Наума Коржавина (1925 г. рожд), тексте вполне светском, есть фрагмент о том, как выросший в еврейской семье и рано поверивший в Бога мальчик, попав в детский сад, в первый же день узнает от воспитательницы, что никакого Бога нет и что все дети, кроме него, уже это знают, а он, как верующий, оказывается заодно с поме-